

Лысенко вблизи¹

ЛОРЕН ГРЭМ

Массачусетский технологический институт, Кембридж, Массачусетс, США; lrg@mit.edu

Автор статьи рассказывает о двух своих безуспешных попытках и одной успешной взять интервью у Т.Д. Лысенко. В начале 1960-х годов, когда автор был студентом Московского государственного университета, и в 1971 году он оставлял наброски своих статей, информацию о себе и записку с просьбой о встрече в офисе Т.Д. Лысенко в Академии наук, но не получил ответа. Позднее, в том же 1971 году он случайно встретил Т.Д. Лысенко в столовой Центрального дома учёных в Москве, и у них во время обеда состоялась беседа. Во время разговора Лысенко заявил, что не несёт никакой ответственности за репрессии против генетиков и смерть некоторых из них, включая Н.И. Вавилова. Однако Т.Д. Лысенко вовсе не был, как он утверждал, скромным крестьянином, пытающимся стать известным учёным и просто заблуждающимся. Он был частью советской системы, стал её главным символом и извлекал большую выгоду из своего положения в ней, по ходу жертвуя своими коллегами и целиком срастаясь с советским режимом. Без поддержки партии и государственной власти Лысенко был бы простым агрономом, проповедовавшим свой специальный подход и получившим мало внимания академического сообщества. Но имея поддержку государственной власти, он стал причиной большой трагедии. Таивший обиды против тех, в ком он видел и ненавидел «социально превосходящих» его, Лысенко стал тираном, который послал десятки людей на смерть. Лидеры Советского Союза его времени — Сталин и Хрущёв — знали мало о современной генетике и не могли видеть ошибочность научных взглядов Лысенко. Они видели только, что Лысенко хвалил их и их правление. Благодаря разговору с Лысенко автору лучше удалось понять природу и скрытые мотивы его тирании.

Ключевые слова: Т.Д. Лысенко, лысенкоизм, советская генетика, советская наука.

Вы думаете, что я — часть советской репрессивной системы. Но я всегда был посторонним... Я должен был бороться, чтобы быть признанным.

Трофим Лысенко — автору, Москва, 1971 г.

В 1971 г. я проводил в Москве исследования по Лысенко и был расстроен. Человек был ещё жив, но все мои попытки взять у него интервью оказывались безуспешными. Моя первая попытка установить с ним контакт была предпринята десятью годами ранее, когда я был студентом Московского университета. Тогда он был во всей своей власти, господствуя в советской биологии. С вершины высотного здания, которое было центром университета, я мог видеть крупное и хорошо оборудованное хозяйство Лысенко «Ленинские горы», где он проводил эксперименты с молочными коровами, пытаясь на основе наследования приобретенных признаков увеличить их надои. Я отправился в административное здание хозяйства и оставил там наброски своих статей, написанных о нём, и записку с моим номером телефона. Я написал в записке, что эти статьи

¹ Переработанный и дополненный текст, первоначально опубликованный как часть книг: Graham (2016), pp. 68–81; Graham (2006), pp. 120–127. На русском публикуется впервые. Перевод М.Б. Конашева.

будут опубликованы на Западе, и добавил, что все ещё есть время внести в них изменения, если он со мной встретится. Я рассчитывал на его «эго», надеясь, что он захочет попытаться повлиять на написанное мною. Он не ответил. Десять лет спустя, в 1971 г., после того как он был дискредитирован в Советском Союзе, я повторил свою попытку, оставив новые наброски статей и информацию о себе в его офисе в Академии наук (в 1965 г. он был свергнут как «царь» советской биологии, но все ещё сохранял своё престижное положение в Академии). Результат был опять тем же самым. Он не хотел со мной встречаться.

Так что я сдался. И поскольку не было никакого шанса взять у него интервью, я засел в библиотеках и архивах, где нашёл обильную информацию о нём. Я прочитал всё, что мог, о Лысенко, и хорошо знал историю его профессиональной жизни и его академических писаний. Одна из лучших библиотек для этой цели была Библиотека им. Ленина в центре Москвы. Я провел месяцы, работая там. Обед в подвале библиотеки был так несъедобен, что я искал еду лучше и более привлекательную обстановку в другом месте. Одной из лучших мест, которые я нашел, был Дом учёных, в нескольких кварталах, на Пречистенке, 16. Так как я был в Советском Союзе по официальной программе обмена между Академией наук СССР и Национальной академией наук Соединенных Штатов, у меня был пропуск, который позволял пользоваться всеми учреждениями советской Академии, включая Дом учёных. Я особенно любил супы, которые там подавали, обычно борщ или солянку.

Дом учёных был богато украшенным дореволюционным зданием. Первоначально построенное дворянином в восемнадцатом веке, оно полностью сгорело в огне во время занятия Наполеоном города в 1812 году. Восстановленное, оно было в девятнадцатом веке одним из самых роскошных и известных мест встречи дворянства и самых богатых купцов в Москве. В разное время в нём проживали родственники семьи матери Петра Великого (Нарышкины), родственники Александра Пушкина и композитора Римского-Корсакова, а также часто бывали такие всемирно известные писатели, как Тургенев и Гоголь. Во второй половине девятнадцатого века оно перешло во владение семьи промышленника и купца Коншина. После российской революции 1917 года здание было конфисковано победившими коммунистическими революционерами и, в 1922 году, преобразовано в великолепный курорт для учёных Российской академии наук². Они должны были стать новым дворянством.

² Центральный дом учёных (ЦДУ АН СССР, в настоящее время — Российской академии наук) — научный и культурный центр для общения и отдыха работников науки и техники, расположенный в особняке Александры Ивановны Коншиной, вдовы текстильного магната Ивана Николаевича Коншина (1828–1899). Здание в стиле неоклассицизма с элементами модерна было построено в 1910 г. по проекту архитектора А.О. Гунста. Первоначально, в конце XVIII — начале XIX в. особняк принадлежал Ивану Петровичу Архарову и был подарен ему вместе с тысячей душ крестьян при назначении его московским военным губернатором Павлом I. В 1818 г. бывший дом Архаровых купил князь Иван Александрович Нарышкин. У Нарышкиных действительно бывали и Пушкин, и Гоголь, и Карамзин и, вероятно, ряд других замечательных людей того времени. Позднее дом переходит к княгине Гагариной, потом к князьям Трубецким, а в 1865 г. — к Ивану Николаевичу Коншину, фабриканту и ростовщику. В начале 1916 г. «дом Коншиной» был продан за 400 тысяч рублей крупнейшему русскому предпринимателю и банкиру, действительному статскому советнику Алексею Ивановичу Путилову. После Октябрьской революции 1917 г. все его движимое и недвижимое имущество, в том числе дом на Пречистенке, было конфисковано, а в 1922 г. в нем был создан ЦДУ.

Рис. 1. Внешний вид Центрального дома учёных
Fig. 1. The exterior of the Central House of Scientists

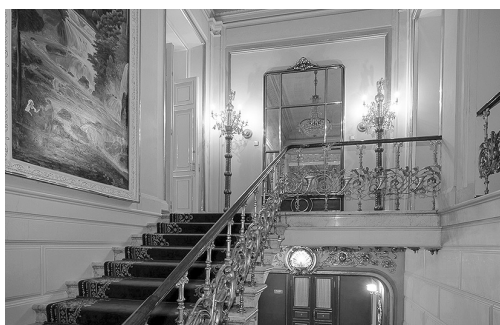

Рис. 2–6. Интерьеры Центрального дома учёных
Fig. 2–6. Interiors of the Central House of Scientists

Рис. 7. Ресторан Центрального дома учёных
Fig. 7. Restaurant of the Central House of Scientists

В тот ранний весенний день 1971 года я вошёл в роскошную столовую Дома учёных после утренней работы в Библиотеке им. Ленина. В самом конце комнаты за столом сидел в одиночестве измождённый и невзрачный человек. Я тут же узнал в нём Лысенко. Я знал, что в таких местах для незнакомцев было весьма обычно сидеть за одним и тем же обеденным столом, так что я сел около Лысенко, заказал миску борща официантке и начал свой обед.

Спустя какое-то время я повернулся к Лысенко и сказал: «Я знаю, что Вы — Трофим Денисович Лысенко. Я — Лорен Грэм, американский историк науки, и я кое-что написал о Вас. Несколько раз я посылал Вам свою работу».

Лысенко ответил: «Мне известно Ваше имя. Я прочитал то, что Вы написали обо мне. Вы много знаете о советской³ науке, но Вы сделали несколько серьёзных ошибок в описании меня и моей работы».

Я тут же спросил, в чём мои ошибки. «Самая важная ошибка, — сказал Лысенко, — что Вы обвиняете меня в том, что я ответственен за смерть многих российских биологов, таких как известный генетик Николай Вавилов. Я был не согласен с Вавиловым по биологическим проблемам, но я не имел никакого отношения к его смерти в тюрьме. Вы знаете, я даже не был членом коммунистической партии, и я не ответственен за то, что партия или тайная полиция сделали в биологии».

Я молчаливо был благодарен тому, что провёл предыдущие месяцы в библиотеках и архивах, узнавая многое о Лысенко и его жертвах. Я знал, что он был прав, говоря, что не был членом коммунистической партии, — факт, который я приводил в своих предыдущих публикациях. Но он был совершенно не прав, утверждая, что не несёт ответственности за смерть и заключение выдающихся советских генетиков. Его метод был смертоносным пассивно-агрессивным. Он изображал себя как простого агронома, даже крестьянина, у которого был успешный сельскохозяйственный метод, который не принимался генетиками. Он описывал ведущих академических генетиков как предателей советского строительства, намеренно вредящих советскому сельскому хозяйству, и тем самым он привлекал внимание тайной полиции к ним. И после того как полиция арестовала его критиков как «предателей», он утверждает, что не имел никакого отношения к их арестам.

³ В оригинале: российской. — Примеч. переводчика.

Метод Лысенко был известен в советские времена как «обвинение» (донос). Многие знали, что с помощью тайной полиции можно избавиться от врага или конкурента, обвинив человека в том, что тот является «антисоветчиком» или «изменником». Люди часто использовали такие обвинения, чтобы избавиться от конкурента по профессии, в любовном треугольнике или в политической борьбе. Обвинения могли быть либо устными, либо письменными; в случае Лысенко они были устными. Такие действия обычно имели двойной эффект: благодаря им успешно устранялся конкурент и в то же время обвинитель становился частью советской системы. Лысенко, однако, отказывался признать последствия своих действий. Или, по крайней мере, он отказывался признавать публично свою вину, которая была достаточно ясна многим другим.

После заявления Лысенко за нашим обеденным столом, что он не несёт никакой ответственности за смерть этих генетиков, я молча сидел некоторое время, спрашивая себя, что я должен сделать. Я знал из своих недавних исследований, включая интервью с выжившими жертвами, что он был ответственен за заключения и часто смерти целого поколения генетиков. Должен ли я оставить без внимания его самооправдательные заявления, или необходимо возразить ему? Наконец, мне пришла мысль, что у меня в руках шанс целой жизни. Никогда снова у меня не будет возможности испытать этого человека, который был самым печально известным учёным двадцатого века. Если бы я его вывел из себя, и он выболтал что-то, его обнажающее, то, возможно, что-то удалось бы узнать. Я надеялся, что то, что он был за несколько лет до этого дискредитирован в Советском Союзе, означает, что он не будет в состоянии направить гнев тайной полиции на меня, как он это делал по отношению к своим предыдущим критикам. (На самом деле после этого разговора и до смерти Лысенко в 1976 г. я был объявлен *персоной нон грата* советскими властями, но я не уверен, что Лысенко имел какое-либо отношение к этому изменению в моем статусе.)

Я решил, что опровергну его заявление, но сделаю это в самом спокойном, наиболее возможном академическом тоне, основываясь на моём недавнем исследовании. Я привёл бы пример его самого известного противника, Николая Вавилова, генетика с международной репутацией, который, из-за Лысенко в конечном счете, умер от голода в заключении. Я начал, сказав Лысенко:

«Я знаю, что Вы правы, утверждая, что никогда не были членом коммунистической партии. Но Вы часто критиковали Вавилова и других российских учёных способами, которые, несомненно, привлекли внимание тайной полиции. Например, на встречах в 1935 и 1939 гг., где присутствовал Сталин, Вы сказали, что были саботажники и в советской промышленности, и в советском сельском хозяйстве, и Вы называли Вавилова как одного из таких предателей. Вы также заявили, что были всего лишь простым агрономом, не членом коммунистической партии, не политиком. И Сталин воскликнул: “Браво, товарищ Лысенко, браво!”»⁴

Я продолжил:

«Всё же я знаю, что далекий от того, чтобы быть предателем, Вавилов был предан советскому строительству и сделал всё, что он мог, чтобы улучшить советское сельское хозяйство. Но Вави-

⁴Сразу после этого разговора с Лысенко я записал тщательно то, что сказал каждый из нас. Кроме того, см: Лысенко Т.Д. «Яровизация — это миллионы пудов добавочного урожая» // Известия. 1935. 15 февраля. № 4.

лов признавал важность современной генетики в достижении этого, против чего Вы выступили. Так что Вы осудили его в присутствии Сталина, получили одобрение Сталина, а тайная полиция сделала остальное. Вавилов, как Вы знаете, умер в заключении».

Лысенко резко встал и вышел из-за стола. Я остался сидеть один, доедая свой суп. Приблизительно спустя десять минут, к моему удивлению, Лысенко возвратился и сел около меня.

«Вы ошибаетесь в своем понимании меня, — заверил он. — Вы думаете, что я — часть советской репрессивной системы. Но я всегда был посторонним. Я произошёл из простой крестьянской семьи и в своем профессиональном развитии скоро столкнулся с предубеждениями высших сословий. Вавилов происходил из богатой семьи, был, как следствие, хорошо образован и знал много иностранных языков. Когда я был мальчиком, я ходил босиком по полям, и у меня никогда не было такого преимущества, как надлежащее образование. Большинство знаменитых генетиков 1920-х и 1930-х были похожи на Вавилова. Они не хотели предоставлять место такому простому крестьянину, как я. Я должен был бороться, чтобы быть признанным. Моё знание получено из работы в полях. Их знание получено из книг и лабораторий, и часто было ошибочным».

«И ещё раз, — продолжал он. — Я теперь — посторонний. Как Вы думаете, почему я сидел один здесь за этим столом, когда Вы подошли? Никто не будет сидеть со мной. Все другие учёные подвергли меня остракизму».

Я знал, что он был прав, говоря, что Вавилов происходил из привилегированной семьи (хотя Вавиловы по происхождению были крестьянами). Но, наиболее поразившим меня предложением в его заявлении было: «Вы думаете, что я — часть репрессивной советской системы». Да, я действительно думал, что он сделал себя частью этой системы. Возможно ли было, что он не лгал, что он на самом деле думал, что так или иначе он был вне этой системы? В начале, когда он был скромным крестьянином, пытающимся пробиться и просто заблуждающимся, он мог рассматривать свой статус «постороннего» как естественный. Но он стал главным символом и стойким приверженцем советской системы, извлекая большую выгоду для себя из неё, по ходу жертвуя своими коллегами и целиком срастаясь с советским режимом.

А затем Лысенко сказал нечто, меня поразившее. В то время, в семидесятые годы, было несколько тысяч еврейских отказников в Москве, многие из которых были учёными и некоторые генетиками. Эти люди обратились с просьбой эмигрировать в Израиль, им было отказано, и затем они были уволены; они еле сводили концы с концами, часто получая поддержку друзей и родственников на Западе, которым удавалось достать для них денег и еды. (Я участвовал в этих усилиях по оказанию им помощи.)⁵ Лысенко сказал:

«Я сочувствую еврейским отказникам. Многие из них — учёные, которые были подвергнуты остракизму советскими влиятельными кругами, потому что подали прошения об эмиграции в Израиль. Теперь у них нет работы и никакого места, чтобы вернуться. Они одиноки, как я».

⁵ См. сюжет об отказниках в телепрограмме NOVA TV, в которой я был докладчиком: «Насколько хороша советская наука?» (NOVA TV, 1986).

Было очевидно, что Лысенко пытается вызвать у меня сочувствие, сравнивая себя с еврейскими отказниками. Несомненно, он был уверен, что я сообщу об этой встрече в моих работах. Он был прав, говоря, что еврейские отказники в то время были подвергнуты остракизму советским научным истеблишментом. Но даже при том, что Лысенко потерял свою научную власть, он всё ещё был членом Академии наук, с хорошей зарплатой, офисом и многими привилегиями, включая доступ к специальным продуктовым магазинам и магазинам одежды⁶. Действительно, роскошный Дом учёных, в котором мы сидели в тот момент, с его превосходной едой по очень разумным ценам, был льготой, о которой отказники не могли и мечтать. Лысенко потерял своё влиятельное положение в советской биологии — и это было очень хорошим развитием событий для советской науки, — но его попытка сравнить своё положение с положением еврейских отказников была гротеском.

Тем не менее, в его корыстном описании себя я признал определённую правду о советской истории: дикие последствия классовой ненависти, когда это было связано с государственной властью. Без поддержки государственной власти Лысенко был бы простым агрономом, проповедуя свой специальный подход, получив мало внимания академического сообщества и не нанеся никому физического ущерба. С государственной властью позади него он стал причиной большой трагедии.

Но следует также видеть здесь человеческие элементы. Он также, по крайней мере, первоначально, вероятно, верил в свои простые сельскохозяйственные приёмы. Позже он обратился к бесчестным методам в собственном исследовании, скрыв его неудачи⁷. Он думал, что то, что учитывалось при получении большего количества молока от коров, не было обусловлено их генетической конституцией, но уходом, который дали им люди. (Мой дедушка на своей ферме в штате Индиана думал то же самое.) Лысенко проявил очень хорошую заботу о своих коровах, кормил их обильно, и даже удостоверялся, чтобы их стойла были чистыми. Он был уверен, что они отплатят ему сторицей, давая много молока. Он не мог понять, почему чистокровные коровы, некоторые импортированные по высокой цене в Россию с Британских островов Гернси и Джерси, где они были первоначально выведены, должны давать больше молока просто потому, что у них были прародители с таким преимуществом. Точно так же он не мог понять, почему Вавилов и привилегированные учёные, против которых он боролся, должны быть учёными лучше, чем он. Позже, когда Лысенко увидел, что советская система дала ему оружие против таких его врагов, как Вавилов, в виде возможности избавиться от них, осудив, он с радостью этим воспользовался. Простой крестьянин, таивший обиды против тех, в ком он видел и ненавидел «социально превосходящих» его, стал тираном, который послал десятки людей на смерть. Лидеры Советского Союза его времени — Сталин и Хрущёв — знали мало о современной генетике и не могли заметить ошибочность научных взглядов Лысенко. Они видели только то, что Лысенко хвалил их и их правление. Они оба имели такое же простое происхождение и образование, как Лысенко, и подвергали критике привилегированный западный мир. После этого разговора с Лысенко я не изменил своей точки зрения о его личной ответственности

⁶ Gordin M. Lysenko Unemployed: Soviet Genetics after the Aftermath // Unpublished manuscript.

⁷ Расследование молочной фермы Лысенко в 1965 г. комиссией Академии наук показало, что он скрывал систематическое устранение им бедных производителей молока и таким образом мошеннически поднимал свою производственную статистику. См.: Вестник Академии наук. 1965. № 11 (особенно с. 73, 91–92).

за трагедию советской генетики, но так или иначе я лучше понял природу и скрытые мотивы его тирании.

Спустя почти двадцать пять лет после того, как я встретил Лысенко в Доме учёных в 1971 г., после его смерти в 1976 г. и после падения Советского Союза в 1991 г., я оказался снова в той же самой столовой Дома учёных, роскошь которой выглядела немного поблекшей, но всё ещё впечатляющей. Я был там с Джорджем Соросом, богатым американским филантропом, который помогал российской науке после конца советской власти. Сорос сочувствовал генетикам в России, которые пострадали при господстве Лысенко и которые были в заключении в тюрьме, иногда в течение многих десятилетий. Некоторые выжили, были выпущены из тюрем и теперь жили свободно, но плохо в российских городах. Сорос предложил устроить банкет для выживших генетиков, которые были уволены или заключены в тюрьму из-за Лысенко.

Вместе со мною и Соросом на банкете был Валерий Сойфер, генетик, который написал историю лысенкоизма, ещё живя в Советском Союзе, а затем эмигрировал в Соединенные Штаты⁸. Когда мы сидели там, присутствуя при этом волнующем воссоединении преследовавшихся генетиков, я посмотрел в угол — на стол, за которым много лет назад я слушал, как Лысенко представляет этих учёных аристократическими предателями советского строительства. Сорос попросил каждого из престарелых генетиков описать то, что произошло. Они совсем не были похожи на аристократов. Многие из них были одеты в поношенную одежду и выглядели измождёнными из-за пережитых страданий в трудовых лагерях. Они рассказывали свои истории того, как разрушалась генетика в Советском Союзе в их время. Многие генетики не было, они умерли. Но те, кто был, рассказали о своих потерянных коллегах. Сергей Четвериков, пионер в развитии “биологического синтеза” в 1920-е годы, был арестован, сослан в изгнание и никогда не возвращался к своей главной теме исследования. Феодосий Добржанский эмигрировал в Соединённые Штаты, чтобы избежать политического контроля, и стал там известным учёным. Георгий Карпеченко, первый, кто создал новую разновидность посредством полиплоидии, был приговорён к смерти и казнён в 1941 г. Николай Кольцов, один из первых основоположников генетики в 1920-х, был обвинён в идеологических грехах, смещён со своей должности и оставил исследования. Николай Вавилов, всемирно известный учёный и создатель крупнейшей коллекции семян растений в мире, был арестован в 1940 г., о чём уже написано, и умер от недоедания в тюрьме в 1943 г. Николай Дубинин, видный генетик и до, и после Лысенко, в 1948 г. оставил генетику и много лет работал орнитологом, вернувшись к своим главным исследованиям только после 1965 г. Д.Д. Ромашов был арестован дважды, но освобождён из-за болезни; его жена умерла в тюрьме. Н.В. Тимофеев-Ресовский, выдающийся генетик, эмигрировал в Германию, был арестован в Берлине и возвратился в СССР⁹ только много лет спустя. В целом несколько сотен генетиков были репрессированы.

Мы должны признать, что не можем быть уверены, что причиной ареста всех этих генетиков были их генетические воззрения. Люди по всему Советскому Союзу в те годы арестовывались по ложным обвинениям за множество инкриминируемых им преступлений. Но многие российские генетики полагали, что причиной их арестов был их отказ принять доктрины Лысенко, и во многих случаях они, конечно, были почти правы.

⁸ Soyfer (1994). Русский перевод: Сойфер В.Н. (1993). (4-е изд. перер. и доп. вышло в 2002).

⁹ В оригинале: «в Россию». — *Примеч. переводчика.*

Литература

Конашев М.Б. Страсти по Феодосию, или Как и почему Ф.Г. Добржанский стал «невозвращенцем» // Вестник ВОГиС. 2013. № 1. С. 202–209.

Лысенко Т.Д. Яровизация — это миллионы пудов добавочного урожая // Известия. 1935. 15 февраля. С. 4.

Николай Иванович Вавилов и страницы истории советской генетики / автор-сост. И.А. Захаров. М.: ИОГен РАН, 2000.

Сойфер В.Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Радуга, 1993. 706 с.

Graham L. *Moscow Stories*. Bloomington: Indiana University Press, 2006. 307 p.

Graham L. *Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia*. Cambridge: Harvard University Press, 2016. 224 p.

Lysenko Up Close¹⁰

LOREN GRAHAM

Massachusetts Institute of Technology, USA; lrg@mit.edu

The author of article tells about two unsuccessful attempts and one successful to interview T.D. Lysenko. In the early sixties, when the author was a student of Moscow State University, and in 1971, he left sketches of his articles, information on himself and a note with a request for a meeting at T.D. Lysenko's office in Academy of Sciences, but has not received any answer. Later in the same 1971 he has met occasionally T.D. Lysenko in the dining room of the Central House of scientists in Moscow, and his the conversation with T.D. Lysenko during a lunch has taken place. Lysenko has said that he is not responsible for any repressions against geneticists and for the death of some of them, including N.I. Vavilov's death. However, T.D. Lysenko was not, as he claimed, the modest peasant who is trying to become the famous scientist while simply being under some delusions, at all. Lysenko was a part of the Soviet system, became her main symbol and took big benefit for himself from the situation in it, sacrificing the colleagues, and entirely growing together with the Soviet regime. Without support of the party and government, Lysenko would be the ordinary agronomist who was preaching the special approach, and he would not receive not enough attention from the academic community. Concealing offenses against those in whom he saw and hated "socially surpassing" him people, Lysenko became the tyrant who has sent dozens of them to death. Leaders of the Soviet Union of his time — Stalin and Khrushchev — knew a little about modern genetics and could not see inaccuracy of Lysenko's scientific views. They saw only that Lysenko praised them and their power. The author's conversation with Lysenko has helped the author to understand better the nature and the hidden motives of Lysenko's tyranny.

Keywords: T.D. Lysenko, lysenkoism, soviet genetics, Soviet science.

References

Graham L. (2006) *Moscow Stories*, Bloomington: Indiana University Press.

Graham L. (2016) *Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia*, Cambridge: Harvard University Press.

¹⁰ This article has been published previously in English in Graham L., *Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia*, Cambridge: Harvard University Press, 2016, pp. 68–81, and, in another version in Graham L., *Moscow Stories*, Bloomington: Indiana University Press, 2006, pp. 120–127. (Translated by M.B. Konashev.)

Konashev M.B. (2013) “Strasti po Feodosiiu, ili Kak i pochemu F.G. Dobrzhanski stal «nevozvrashchentsem»” [Passion for Theodosius, or How and Why F.G. Dobzhansky became a “nonreturnee”], *Vestnik VOGiS*, no. 1, pp. 202–209.

Lysenko T.D. (1935) “Iarovizatsiia — eto milliony pudov dobavochnogo urozhaiia” [Vernalization is millions of poods of extra crop], *Izvestiia*, 15 February, p. 4.

Soyfer V.N. (1994) *Lysenko and the Tragedy of Soviet Science*. Rutgers University Press, New Brunswick.

Zaharov I.A. (2000) *Nikolai Ivanovich Vavilov i Stranitsy istorii sovetskoi genetiki* [Nikolai Ivanovich Vavilov and pages of the history of Soviet genetics], Moscow: IOGen RAN.